

Александр Вайс

Цикл «Мясо» Том 1. «Нулевой пациент»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Вайс

**Цикл «Мясо» Том 1.
«Нулевой пациент»**

«Автор»

2026

Вайс А.

Цикл «Мясо» Том 1. «Нулевой пациент» / А. Вайс — «Автор», 2026

Максим — бывший айтишник, которому война подарила второй шанс. Уволенный, брошенный, никчемный для гражданской жизни, он подписывает контракт с ЧВК «Конвой», чтобы сбежать от себя. Но первый же штурм под Солегорском оборачивается адом: контузия на экспериментальных частотах, клиническая смерть — и пробуждение под завалом. Что-то изменилось. Мир теперь расчерчен интерфейсом, а в голове звучат расчетливые подсказки. Система не магия и не дар — это смертельный сбой в нейронах, цена которого мигрени, галлюцинации и бессонница. Но именно она помогает Максиму выбраться из братской могилы. В расположении его уже похоронили. Товарищи косятся, командир не доверяет, а опытные бойцы вроде Деда («Шахтера») советуют не лезть под пули. Но когда позиции накрывает новая волна, «странный» новобранец вдруг начинает видеть траектории, чувствовать засады и делать невозможное. Вопрос только в том, какую цену заплатит его рассудок за право выжить в этой мясорубке.

© Вайс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7

Александр Вайс

Цикл «Мясо» Том 1. «Нулевой пациент»

Пролог

Окна в здании аэропорта не горели. Они вообще не могли гореть уже полгода – ни одного целого стекла, только черные провалы рам, обведенные копотью пожаров. Здание, которое должно было встречать пассажиров, встречало теперь только смерть.

Максим лежал в воронке от минометного снаряда, зажимая ладонью рот, чтобы не выть от звона в ушах. Звон был такой, словно под черепом повесили колокол и били в него кувалдой. Мир дергался. Каждый удар сердца отдавался вспышкой боли в затылке.

Он не помнил, как его сюда закинуло. Вернее, помнил, но кусками. Вербовка в «Конвой» – пропуск. Поезд – лица. Первый инструктаж – короткие очереди где-то за стеной. А потом – этот штурм. Первый бой, который длился вечность и закончился через десять минут после начала.

Рядом, в метре, лежал тот, с кем он познакомился час назад. Позывной, кажется, «Химик». Сейчас у Химика не было половины головы, а кровь уже перестала течь, свернувшись черной коркой на бетонной крошке.

«Вставай».

Максим зажмурился. Ему показалось, что голос был не внутри, а снаружи. Слишком четкий.

«Вставай, сука. Они идут».

Он попытался отползти, но нога застряла под обломком плиты. Плита была легкая, но сил не было. В глазах плыло. И тут он увидел их.

Из-за ржавого остова БТР, стоящего на въезде в аэропорт, вышли трое. Они двигались не как обычные люди на войне – перебежками, с оглядкой. Они шли пешком, не спеша, как хозяева жизни. Автоматы висели на груди вольно, стволами вниз. Каски с креплениями под какие-то навороченные очки. Разгрузки, набитые под завязку. Один что-то жевал.

– Чисто, – сказал один на чистом русском, но с акцентом, который Максим не мог определить. – Наших нет. Только мясорубка.

– Трупы собирать? – лениво спросил второй.

– Не надо. Сдохнут и так. Идем к диспетчерской.

Они прошли в десяти метрах от воронки. Максим перестал дышать. Он лежал, вжавшись лицом в грязь, чувствуя, как холод от земли пробирается сквозь «горку». Один из них остановился. Максим видел только его грязные берцы с шипастой подошвой. Берцы стояли и не уходили.

– Чего ты там увидел? – крикнули ему.

Берцы постояли еще секунду и двинулись дальше.

Когда шаги стихли, Максим попытался выдохнуть, но воздух застрял в горле. Руки тряслись. Он только что был в десяти метрах от смерти. И она его проигнорировала, как проходят мимо мусора.

Именно тогда, глядя на тело Химика и на удаляющиеся спины «хозяев жизни», он почувствовал это. Не страх. Не обиду. А злость. Такую дикую, животную злость на свою никчемность, на то, что он – даже не цель, а просто фон.

Перед глазами поплыло. Звон в ушах сменился пронзительным писком, а потом – абсолютной тишиной. Картинка дернулась, как старый телевизор, и перед ним вспыхнула НАД-ПИСЬ.

Ярко-зеленым, прямо в воздухе, перекрывая обзор на разбитый аэропорт:

[ВНИМАНИЕ! КРИТИЧЕСКОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ][ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ АВАРИЙНОГО ПРОТОКОЛА...][ОБНАРУЖЕН НОСИТЕЛЬ: СТАТУС – АГОНИЯ][ЗАПУСК АДАПТАЦИИ...]

Максим моргнул. Надпись не исчезла.

«Все. Крыша поехала», – подумал он спокойно, с той отстраненностью, которая приходит перед концом.

[АДАПТАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА НА 14%][ДОСТУПЕН БАЗОВЫЙ НАБОР ФУНКЦИЙ: КАЛЬКУЛЯТОР, СКРЫТЫЕ РЕЗЕРВЫ (ПАССИВ)][СОСТОЯНИЕ: КРИТИЧЕСКОЕ. ВЫЖИВАНИЕ 00:03:14]

Последняя строчка заставила его дернуться. Три минуты? Он что, умирает? Он ощупал себя. Вроде цел. Только голова раскалывается. Откуда три минуты?

И тут он увидел над телом Химики прозрачную, едва заметную СТРЕЛКУ, указывающую вниз, и подпись:

[ТРОФЕЙ: СПОКОЙСТВИЕ. ИСТОЩЕН. 0 ЕД.]

Стрелка мигала. Максим, повинаясь не рассудку, а животному инстинкту утопающего хвататься за соломинку, протянул руку и коснулся холодной щеки Химики.

И мир взорвался.

[ЗАГРУЗКА ОТПЕЧАТКА...]

В голову ворвался не голос, а ощущение. Чужое сердцебиение – ровное, 52 удара в минуту. Чужая спина, прямая, несмотря на пули. Чужая рука, держащая запал гранаты с абсолютным безразличием к собственной жизни.

[ОТПЕЧАТОК: «ХИМИК». РЕДКОСТЬ: ОБЫЧНЫЙ. ЭФФЕКТ: ПОЛНОЕ ПОДАВЛЕНИЕ СТРАХА, СТАБИЛИЗАЦИЯ ПУЛЬСА. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ: 00:05:00]

Сердце Максима, которое колотилось как бешеное, вдруг замерло на секунду и застучало ровно, мощно, спокойно. Тряска в руках исчезла. В голове прояснилось.

Он посмотрел на труп. Потом на себя. Потом на таймер в углу зрения: [ВЫЖИВАНИЕ: 00:02:44].

Он не знал, что это за глюк, шизофрения или предсмертная агония. Но он знал точно: сидеть в воронке и ждать – это смерть. А смерть сегодня уже проходила мимо, и второй раз она не ошибется.

Максим уперся руками в край воронки, рванул тело вверх, вывалился на бетон и, пригибаясь, побежал к полуразрушенной стене аэропорта, туда, где, по расчетам его нового «спокойного» мозга, должны были быть свои.

Он бежал, и зеленые строчки плясали перед глазами, отсчитывая секунды его новой, чужой жизни.

Глава 1

Чужой

Тьма была не черной, а бурой. Такого цвета бывает засохшая кровь, если смешать её с грязью и мазутом. Максим лежал на спине и смотрел в потолок подвала. Потолок был низким, бетонным, с ржавым крюком для лампы. Крюк был пуст.

Сознание возвращалось толчками.

Первым пришел звук. Где-то далеко, наверху, бухало. Не часто, но методично, как работа отбойного молотка. Арта. Наша или не наша – поди разбери.

Вторым – запах. Смесь сырости, пота, перегара, махорки и чего-то сладковато-тошнотворного, что Максим уже научился определять. Так пахнет начинающая гнить человечина, если её не закопать вовремя.

Третьим – боль. Голова. Она не просто болела, она жила своей жизнью. Каждый удар сердца отдавался пульсацией в висках, в затылке, даже, кажется, в зубах.

Максим попытался приподняться на локтях и тут же замер. Рядом кто-то спал. Вернее, не спал, а сидел, прислонившись спиной к стене, и смотрел на него. В темноте лица было не разглядеть, только силуэт и тусклый огонек самокрутки.

– Очухался, – сказал силуэт голосом, скрипучим, как несмазанная дверь. Голос сплюнул на пол. – А я уж думал, кондратий хватит парня. Вон как башкой приложился, когда тебя с вертушки сгружали. Думал, не жилец.

– Где я? – спросил Максим. Голос прозвучал чужо, хрипло.

– В Раю, – хмыкнул силуэт. Самокрутка описала в воздухе дугу. – В подвале, под школой. Солегорск, окраина. Свои.

Солегорск. Максим напряг память. Аэропорт. Штурм. Воронка. Трупы. Потом – бег. Он бежал вдоль стены, падал, вставал, снова бежал. Потом его подобрали. Или он сам вышел? Провал.

– Сколько я тут?

– Третий день пошел. Сотряс у тебя, или что похлеще. Температура скакала. Бредил.

Максим попытался сесть. Тело слушалось плохо, как будто было чужим. В глазах снова поплыло, и перед ними услужливо вспыхнули знакомые зеленые буквы:

[СТАТУС: НЕСТАБИЛЬНЫЙ][ОСНОВНЫЕ СИСТЕМЫ: ПОВРЕЖДЕНЫ НА 63%]
[НЕЙРОСЕТЬ: КАЛИБРОВКА... 47%][ДОСТУПНЫЕ НАВЫКИ: КАЛЬКУЛЯТОР (ПАС-
СИВНО), ОТПЕЧАТКОВ НЕТ][ПРИМЕЧАНИЕ: ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТРЕБУЕТСЯ
ОТДЫХ И ПИТАНИЕ]

Максим зажмурился, потом открыл глаза. Буквы висели в воздухе, чуть подрагивая. Он перевел взгляд на силуэт. На силуэте тоже висела табличка:

[ЦЕЛЬ: НЕЙТРАЛ. ПОЗЫВНОЙ: ШАХТЕР. УРОВЕНЬ УГРОЗЫ: НИЗКИЙ][ПРИ-
МЕТА: БЫВШИЙ ГОРНЯК, 58 ЛЕТ. ХРОНИЧЕСКИЙ БРОНХИТ. НОЖ В ПРАВОМ ГОЛЕ-
НИЩЕ]

– Ты чего уставился? – силуэт подался вперед, и в свете откуда-то сверху Максим разглядел лицо. Старое, обветренное, с глубокими морщинами, забитыми угольной пылью, которая, кажется, въелась в кожу намертво. Седая щетина, умные, усталые глаза. Дед.

– Да так... – Максим потерял виски. – Глюки еще.

– Глюки – это с непривычки, – Дед, или Шахтер, затянулся. – Адаптируешься. Ты, главное, живой. Остальное – приложится.

Максим кивнул. Потом его взгляд упал на собственные руки. На них тоже была надпись. Мелкая, бегущая строка:

[ПРАВАЯ КИСТЬ: МИКРОТРАВМЫ СУХОЖИЛИЙ. РЕКОМЕНДАЦИЯ: ФИКСАЦИЯ][ЛЕВАЯ КИСТЬ: В НОРМЕ. УРОВЕНЬ АДРЕНАЛИНА: ПОВЫШЕН]

Он сжал и разжал пальцы. Все работало.

– Есть хочешь? – спросил Дед. – Там баланда в котелке. С тушенкой. Настоящей, не соевой. Я припас.

– Хочу, – Максим понял, что умирает от голода.

Дед кряхтя поднялся, подошел к какому-то ящику, достал алюминиевую миску и налил из котелка густого варева. Протянул Максиму. Вместе с миской в руку ткнулась ложка – тоже алюминиевая, погнутая.

– Ешь. А я пока расскажу, куда ты попал.

Максим принялся есть, обжигаясь, но не в силах остановиться. Баланда была офигительно вкусной. Тушенка таяла во рту. Он поймал себя на мысли, что никогда в жизни не ел ничего вкуснее, хотя в прошлой жизни ходил в рестораны.

– Значит так, – Дед присел рядом на корточки. – Тут нас, считай, взвод. Остатки разных подразделений. Кого-то из-под Кременца выбили, кого-то из Новодонецка. Переформирование. Ждем пополнения. Командир у нас – Спектр. Не местный, из Москвы, но мужик толковый. К нему особо не лезь, он сам позовет, если надо.

– Спектр? – переспросил Максим, прожевывая мясо.

– Позывной такой. Был, говорят, в какой-то конторе, потом в ЧВК подался. Умный, сука, до жути. Все про всех знает. И про тебя тоже.

– Про меня?

– А то. Ты ж без документов, без всего. Местные говорят, что тебя нашли недалеко от аэропорта. А там такие дела были... – Дед понизил голос. – Туда поляки заходили, наемники. Профи. Трое наших взводов положили. И ты оттуда выполз. Один. Живой. Спектр этим заинтересовался. Он вообще всем странным интересуется.

Максим отложил ложку. Аппетит пропал. Поляки. Те трое в навороченной экипировке, что прошли мимо него, как мимо мусора. Значит, это они устроили там мясорубку.

– Я не помню, – честно сказал он. – Шарахнуло – и провал.

– Это бывает, – кивнул Дед. – Контузия – штука хитрая. Ты главное помалкивай пока. Нас тут, знаешь, кто только нет. Есть ребята из Чечни, есть казаки, есть просто мобики. Всякий разный люд. А ты вроде как из IT, говорили? Неужто сюда завербовался?

– Деньги нужны были, – буркнул Максим. – И девушка ушла.

Дед усмехнулся в усы, покачал головой:

– Эх, молодежь. Из-за девки на войну? Да за каждой пулей своя баба стоит, это верно. Но чтоб добровольно... Ладно, это твое дело. Спи давай. Завтра, если Спектр прикажет, пойдешь к нему. А пока силы копи.

Дед встал, размял затекшую спину и пошел обратно в свой угол. Максим остался один, сидя на рваном матрасе. Есть больше не хотелось. Он смотрел на пустую миску и чувствовал, как в голове ворочается что-то чужое.

[НЕЙРОСЕТЬ: КАЛИБРОВКА ЗАВЕРШЕНА НА 68%][НОВЫЙ ОБЪЕКТ В ЗОНЕ ДОСТУПА]

Он поднял глаза. В проеме двери, ведущей в соседнее помещение подвала, стоял человек. Он не издал ни звука. Просто стоял и смотрел. Высокий, худой, в черном камуфляже без опознавательных знаков. Лица было не разглядеть – оно скрывалось в тени капюшона. Но над его головой Максим увидел надпись. Не такую, как у Деда. Другую.

[ЦЕЛЬ: СПЕКТР. УРОВЕНЬ УГРОЗЫ: МАКСИМАЛЬНЫЙ][ВНИМАНИЕ! ОБЪЕКТ ОСОЗНАЕТ ПРИСУТСТВИЕ НАБЛЮДАТЕЛЯ][РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ ДВИГАТЬСЯ]

Человек в черном постоял еще секунду, глядя прямо на Максима, а потом бесшумно исчез в темноте коридора. Только шорох ткани.

Максим сглотнул. Сердце колотилось, игнорируя любые настройки.

Система, галлюцинации, Спектр, поляки... Добро пожаловать на войну. Обратного билета нет.

Он лег на матрас, закрыл глаза и постарался уснуть. Перед внутренним взором все еще стояла красная надпись: [УРОВЕНЬ УГРОЗЫ: МАКСИМАЛЬНЫЙ]. И ощущение, что его только что препарировали взглядом, не спрашивая разрешения.

За стеной бухнуло совсем близко, осыпав с потолка мелкую бетонную крошку. Максим не пошевелился. Он уже начинал привыкать.